
СВЯЗЬ ВРЕМЕН

В. О. БОБРОВНИКОВ

КОЛХОЗЫ И ИСЛАМ В СОВРЕМЕННОМ ДАГЕСТАНЕ

Лицо дагестанского села в начале XXI в. продолжают определять чуть видоизмененные коллективные хозяйства советского времени. Не менее важную роль в нем играют исламские институты и практики. Настоящий очерк представляет попытку охарактеризовать общие тенденции и местные особенности в развитии колхозного села времен исламского бума, начавшегося на Северо-Восточном Кавказе после падения Советской власти. Тема эта, несмотря на всю ее злободневность, еще плохо изучена. Основная масса первоисточников, включая полевые этнографические наблюдения и данные районных комитетов по статистике, не введена в научный оборот. Начиная с начала 90-х годов автор обследовал отдельные коллективные хозяйства в северных и южных районах республики. Очерк написан на основании материалов этих полевых исследований. В нем также использованы статистика из колхозных и районных архивов, а также данные, собранные современными социологами и этнографами.

На первый взгляд в развитии постсоветского дагестанского села можно обнаружить немало парадоксального. В первую очередь, это касается сохранения здесь советских коллективных хозяйств. Казалось бы, дагестанские мусульмане так ожесточенно сопротивлялись введению колхозов, что они с радостью освободятся от них при первой же возможности. В самом деле, в конце 1920-х годов насильственное обобществление частносемейных и мечетных земель (*мульк, вакф*) вызвали в горах волну ответных бунтов, не прекращавшихся до начала Великой Отечественной войны. В 1930 г.

выступления против создания колхозов прошли в Курахском, Касумкентском, Табасаранском и Цумадинском районах. В том же году вспыхнули Дидойский и Хновский мятежи, восстание под руководством шейха Штульского в Южном Дагестане и Северном Азербайджане. Вторая волна крестьянских бунтов отмечена в 1934–1936 гг. В северо-западном Дагестане и соседней Чечено-Ингушетии антиколхозное движение продолжалось до 1942 г. (*История советского крестьянства Дагестана 1886*: 1, 178–179, 188; Бобровников 1999: 63). Сплошная коллективизация горных районов ДАССР была завершена только в 1939–1940 гг.

И вот всего через столетие мусульманское крестьянство Дагестана стало не менее ревностным сторонником местных советских институтов, в первую очередь колхозов. Факты говорят сами за себя. Во-первых, в Дагестане дольше, чем в других республиках и областях Северного Кавказа, просуществовали сельские и районные Советы. Они продолжали работать до 1994 г. несмотря на принятое еще в октябре 1993 г. решение правительства Б. Н. Ельцина об их роспуске. Только весной 1994 г. на место председателей Советов были назначены главы администраций. Конец Советской власти в республике пришел после выборов 19 июня 1994 г. Тогда по всему Дагестану Советы были заменены новыми органами местного самоуправления. В сельские администрации попало немало бывших руководителей сельсоветов, советских и коллективных хозяйств. Интересно, что, согласно собранным автором полевым материалам, сегодня к защитникам Советской власти относятся в основном жители как раз тех горных районов, где советско-колхозные реформы встретили в свое время наибольшее сопротивление – Ахвахского, Ахтынского, Рутульского, Табасаранского, Цумадинского и др.

Наиболее устойчивыми советскими институтами оказались колхозы и совхозы. Они уцелели несмотря на резко ухудшившееся экономическое положение республики и враждебное отношение к ним федеральных властей. Выжили не только крупные и экономически рентабельные коллективные хозяйства, работающие на рынок на равнине и в предгорьях, но и небольшие убыточные горные колхозы, еще в «застойные» годы едва сводившие концы с концами за счет государственных дотаций из крупных промышленных цен-

тров России. Уже в 1992–1993 гг. все выплаты им прекратились. Экономике колхозов охватил глубокий кризис (см. его общую характеристику: Поляков, Бушков: 10–11). Начиная с 1990 г. в коллективных хозяйствах быстро падает урожайность, сокращаются посевные площади. Уже к середине 90-х годов производство зерна в республике снизилось до уровня 1975 г., овощей – 1983 г., плодов – 1978 г., винограда – 1965 г., молока – 1974 г., по производству яиц – до уровня 1980 г. (Новое дело. – 1994. – 1 апреля). Несмотря на явные признаки кризиса подавляющее большинство советских коллективных хозяйств продолжает существовать.

На республиканском референдуме 28 июня 1992 г. 83,7 % дагестанцев высказались против раздела колхозных земель на частные владения. В референдуме приняли участие 648 583 человека, или 63,8 % граждан республики (*Дагестан: этнополитический портрет* 1993: 1, 138–139). Чуть позже, при перерегистрации в 1992–1994 гг. советских коллективных хозяйств, коллективы 580 из 634 колхозов и совхозов решили сохранить свой прежний статус (Новое дело. – 1994. – 1 апреля). В целом по России эта цифра была почти в три раза меньше (34 % хозяйств). Большая часть распущенных колхозов и совхозов сохранили форму коллективных хозяйств, став ассоциациями крестьянских хозяйств (44 в 1993 г.), сельскохозяйственными кооперативами (17), товариществами (15) и акционерными обществами (5) (Новое дело. – 1993. – 19 ноября). В обследованных автором аварских районах распались единичные хозяйства: колхозы с. Верхнее Гаквари и Эчеда Цумадинского района (1992 г.), Межхозяйственное предприятие Цумада (1996 г.). Все остальные колхозы, совхозы и лесхозы до сих пор существуют, хотя некоторые и сменили приевшиеся советские названия на более популярные сегодня имена имама Шамиля, поэта Расула Гамзатова и других своих знаменитых земляков-аварцев. Известны случаи, когда распущенные в начале 90-х годов коллективные хозяйства через 5–6 лет были воссозданы по решению населения.

Слабые ростки на дагестанской земле пустило фермерство, основанное на индивидуальном крестьянском землевладении. Слабость его в полной мере продемонстрировал 4-й съезд Ассоциации фермерских хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов, прошедший в январе 1994 г. в Махачкале. Согласно обнаруженной

им статистике, всего в Дагестане было зарегистрировано около 11 тысяч индивидуальных крестьянских хозяйств. Большинство из них сосредоточено на равнине: в Хасавюртовском (1020), Кизлярском (704) и Буйнакском районах (699). Средний земельный надел каждого составлял всего 2,6 га, что в 16,2 раза ниже среднероссийского уровня (Новое дело. – 1993. – 19 ноября). К концу 90-х годов количество фермерских хозяйств выросло до 16 590. За ними было закреплено около 40 тыс. га земель. Фермерам принадлежит 6 % скота республики. Но отдачи от многомиллиардных государственных кредитов дагестанским фермерам особенно не заметно. В республике есть немало фиктивных фермерских хозяйств, на деле занимающихся мелкооптовой или посреднической торговлей. На рубеже нового тысячелетия основную массу сельскохозяйственной продукции Дагестана (96 %) продолжали давать колхозы и совхозы (Новое дело. – 1999. – 7 февраля).

Почти никто из дагестанских колхозников и рабочих совхозов, с кем довелось встречаться автору, не желал роспуска своих колхозов. Большинство горцев живет теперь за счет сезонного отходничества или торговли на равнине (ср.: Поляков, Бушков: 14–15). Респонденты – старики и молодежь – откровенно жалуются на низкие урожаи в своих колхозах, порой собирающих только 8–14 центнеров зерновых с гектара. Все опрашиваемые согласны с тем, что приватизация колхозных земель могла бы помочь поднять их урожайность в 2–3 раза, но в то же время панически боятся введения частной собственности на землю. Даже некоторые дагестанские фермеры не хотят передачи сельскохозяйственных угодий в полную частную собственность отдельных лиц. По мнению крестьян, сохранение колхозов и совхозов поможет уберечь от расхищения природные богатства селений, как это не раз случалось при Советской власти. Кроме того, люди не без основания боятся, что после уничтожения колхозов нувориши за бесценок скупят их угодья на равнине, которыми горцы пользуются с 1930–1950-х годов (*Полевые дневники и материалы автора, собранные в Ахтынском, Бабаюртовском, Ботлихском, Лакском, Левашинском, Рутульском, Хасавюртовском, Хунзахском, Цумадинском и Цунтинском районах в 1992–2003 гг.*).

С другой стороны, приверженность дагестанцев к своим коллективным хозяйствам объясняется растущей ностальгией по советской эпохе. В условиях междоусобных войн, роста преступности и экономического кризиса на Северном Кавказе многие жалеют об утраченном спокойствии и относительном благополучии, царивших в регионе до распада СССР. Этим пользуется коммунистическая оппозиция нынешним властям, превратившая Дагестан в свой оплот. Сегодня это самая влиятельная и организованная политическая сила в республике. Благодаря поддержке горцев КП РФ получила в республике более 50 % голосов на общероссийских и местных выборах 1993 и 1994 и 1996 гг. (Дагестанская правда. – 1993. – 23 декабря; 1994. – 17 июня; 1996. – 12 июня; Новое дело. – 1993. – 17 декабря; 1994. – 19 июня; 1996. – 14 июня. Подробнее см.: Кисриев 1994: 21–23). Не случайно также на недавних президентских выборах в республике вслед за коммунистами (51 % голосов) лидировал Аграрный союз (17 %), выступающий под лозунгами сохранения советско-колхозной системы в Российской Федерации.

Привязанность дагестанских крестьян к своим советским институтам поразительным образом сочетается с исламизацией общественной и частной жизни республики. Исламский бум стал первым и важнейшим признаком постсоветской эпохи. Как только в конце 80-х годов прекратились гонения на мусульман, Дагестан охватило бурное движение за исламское «возрождение». Это заметно с первого взгляда. Еще в 1991–1993 гг. большинство символов советской эпохи было заменено исламскими. Вместо памятников Ленину, красных флагов и щитов с социалистическими обязательствами центральные площади (*годекан*) селений теперь украшают минареты заново отстроенных мечетей. Над святыми местами, как, например, гора Ахульго, восстановлены увенчанные флажками высокие деревянные шесты. Дагестанские мусульмане возлагают огромные надежды на ислам, который кажется им панацеей, способной решить все проблемы современности. Такие надежды характерны для мусульман большинства стран СНГ. Так, в середине 90-х годов более 50 % узбеков полагали, что «только в исламе можно найти решение многих проблем Узбекистана» (цит. по: Малашенко 1999: 61).

Дагестан справедливо называют самой исламизированной республикой Российской Федерации. За постсоветское десятилетие здесь открылось более полутора тысяч мечетей и несколько тысяч молельных домов возле источников (авар. *кьулгIа*, анд. яз. *кьулла*, *кьурма*, дарг. *кьулла*). На 1 марта 2003 г. в республике зарегистрировано 1679 мечетей (в том числе 1091 пятничных-*джума* и 558 квартальных) против 27 в 1985 г. При мечетях работают 324 начальных *мектеба*, 141 средняя школа (*медресе*). Имеется также 16 исламских вузов и 52 их филиала. Это более половины всех мусульманских организаций Российской Федерации (*Религии и религиозные организации в Дагестане*: 96–107; Макаров: 5). Подавляющее большинство открывшихся и заново построенных мечетей – 1462 – находится в сельской местности и только 132 в городах. Дело в том, что Дагестан относится к числу тех субъектов Российской Федерации, где большая часть населения по-прежнему живет в селе (по переписи 2002 г. 53 % дагестанцев, что на 3,4 % меньше, чем по последней советской переписи 1989 г.). Если за последние полвека сельское население России неуклонно сокращалось и сегодня составляет лишь 38 % , то в Дагестане оно, наоборот, выросло в полтора раза: от 659,1 тысячи в 1926 г. до 1 млн 474 тысяч в 2002 г. (Кисриев 2005: 298; ср.: *Всесоюзная перепись населения 1926 г.* 1928: V, 342–346).

В других мусульманских республиках Северного Кавказа (за исключением Чечни) исламский подъем чувствуется слабее. Число восстановленных тут мусульманских институтов в десятки, а порой и в сотни раз меньше, чем в постсоветском Дагестане. Так, к январю 1997 г. в Адыгее было зарегистрировано только 14 мечетных общин, в Ингушетии – 6, в Кабардино-Балкарии – 96, в Карачаево-Черкесии – 91, в Северной Осетии (Алании) – 17 (Емельянова: 101). По числу восстановленных мечетей и мечетных общин на северо-западе региона лидирует Кабардино-Балкария. К началу третьего тысячелетия здесь насчитывалось 140–160 сельских и городских мусульманских общин (Бабич: 131). Официальных данных по Чечне нет, но, по подсчетам А. В. Малашенко, общее количество соборных мечетей тут к 1998 г. достигло 1000. В 1991–1994 гг., до начала первой российско-чеченской войны, в Грозном работал крупнейший в постсоветской России мусульманский вуз – Госу-

дарственный исламский институт (Малашенко 1998: 76, 80). Примечетных школ во всех вместе взятых северокавказских республиках меньше, чем в одном Дагестане.

Центром исламского бума стали аваро-андо-цезские, даргинские и кумыкские селения центрального и северного Дагестана. По данным Комитета правительства Дагестана по делам религий, именно здесь сосредоточено большинство восстановленных мечетей, молельных домов и примечетных школ. По сравнению с дореволюционными временами позиции ислама в горах намного упрочились (ср.: Шиллинг: 151, 161; Чурсин: 15–18, 50–63). В других районах республики исламское «возрождение» не так заметно. Во многих селениях на юге до сих пор не восстановлено ни единой мечети. Мусульманские общины тут, как, например, в рутульском селении Шиназ, не имеют собственной соборной мечети. Здесь некому проводить пятничной молитвы. Многие сельские *имамы* не способны прочесть своим прихожанам пятничной проповеди *хутба*. Роль мечетей в некоторых лезгинских, табасаранских и лакских селениях Дагестана сегодня выполняют святые места (*зиярат, тир*). Некоторые из них, как, например, святая гора Шалбуздаг, ежегодно привлекают к себе тысячи паломников самых разных национальностей как из селений, так и из Дербента.

В северном и центральном Дагестане в отличие от центральной России и южного Дагестана религиозный подъем носит действительно массовый характер. Соборные мечети нигде не пустуют. Во время поездок по аварским и даргинским районам автору довелось видеть сотни частных молельных домов (*кьулгIа, кьулла*) и даже мечетей на скотоводческих хуторах. Рядом с ними обязательно устраивают поилку, а порой и хлев для коров или овец (анд. яз. *кьай, кола*). По пятницам в соборных и квартальных мечетях собираются все мужчины, включая подростков старше 14 лет. В месяце рамадан почти никто из сельских жителей не осмеливается открыто нарушать дневной пост. От него освобождены лишь малолетние дети, беременные женщины и больные. Кроме того, многие постятся по обету или желая очиститься от совершенных грехов. Тех же, кто не скрываясь продолжает пьянствовать или пропускать пятничную молитву в мечети, подчеркнуто сторонятся. Общественность селений смотрит на них как на вероотступников. Автору из-

вестны случаи, когда таких людей долго отказывались хоронить на сельских кладбищах.

Начиная с 1990 г. после почти семидесятилетнего перерыва в Дагестане возродился массовый *хадж*. По данным Духовного управления мусульман Дагестана (ДУМД), в 1990 г. в *хадж* и малое паломничество (*'умра*) отправилось 365 мусульман республики, в 1990 – 889, в 1991 – почти 1200, в 1992 – около 6000, в 1995 – 9398, в 1996 – 12525, в 1997 – 12208, в 1998 – 13268 (*Дагестан: этнополитический портрет*. 1994: 2, 254–255; *Религии и религиозные организации в Дагестане*: 72). Число участников хаджа в северокавказских республиках в сотни раз меньше, чем в Дагестане. Основную массу хаджи из России составляют дагестанцы, хотя в первой половине 2000-х годов их количество и сократилось более чем вдвое, остановившись на отметке между 5 и 6 тыс. чел. В обследованных автором селениях Ахвахского, Ботлихского, Хунзахского, Цумадинского и Цунтинского районов сегодня каждый четвертый или пятый житель – *хаджи*.

В Саудовскую Аравию через Иран, Турцию, Сирию и Иорданию ходят сотни автобусов ПАЗ, которыми сегодня пользуется большинство дагестанских хаджи (*Полевые дневники и материалы автора, собранные в Ботлихском, Буйнакском, Левашинском, Хасавюртовском, Хунзахском и Цумадинском районах в 1995–2003 гг.* См. также: *Дагестанская правда*. – 1994. – 23 апреля; *Хиакъикъат*. – 1994. – 26 апреля; *Новое дело*. – 1994. – 20 мая). Среди них есть рейсовые автобусы, постоянно работающие на внутренних республиканских линиях. Несколько таких машин, украшенных арабскими надписями и саудовскими сувенирами, автор не раз встречал в аварских, кумыкских и даргинских районах.

Любопытно отметить, что возобновление массового паломничества к общеисламским святыням не помешало росту почитания святых мест сельского Дагестана. Количество святых мест в целом по Дагестану в постсоветское время резко выросло: вместо 127 их стало 836 (Курбанов, Курбанов: 79, 81). Желая уберечься от аварии в пути, водитель рейсового автобуса останавливается у каждого известного ему зиярата. Пассажиры читают молитву и вступительную суру из Корана – *Фатиху*. На маршруте Махачкала – Агвали можно насчитать семь таких остановок.

Столь же неукоснительно, как молитва, пост и паломничество, за последние годы в селениях открыто соблюдается обязательная очистительная милостыня на нужды общины (*закят*). Ее собирают и хранят в кассах соборных мечетей. В районах, где мечети еще не восстановлены, закят хранится в доме сельского имама. Нормы его не изменились с ранних советских времен и по-прежнему составляют по одному барану со стада в 40 голов и по 6 пудов с урожая в 60 пудов (*Полевые материалы автора, собранные в Лакском, Левашинском, Хасавюртовском, Хунзахском, Цумадинском и Цунтинском районах в 1992–1999 гг.*). Доходы от торговли и сезонной работы, которыми сегодня живет большинство дагестанских крестьян, в отличие от начала XX в. практически не облагаются закатом. В то же время осенью во время сушки мяса на зиму горцы стали открыто устраивать необязательную милостыню (*садака*). Каждая семья поочередно одаривает мясом и другими продуктами всех жителей и гостей селения. Сверх того, такую милостыню дают почувствовавшие приближение смерти старики, а также семьи, устраивающие похороны или свадьбы. Ее проводят в мечети либо возле зиярата на кладбище.

Возвращение к открытому исповеданию ислама и стремительный рост численности мусульманских институтов определяет сегодня ситуацию в сельской местности. В то же время начиная с последней трети 1990-х годов появились некоторые признаки замедления темпов исламского бума, ощутимые даже в наиболее исламизированных сегодня северных и центральных районах Дагестана. С 1996 по 2002 г. число зарегистрированных в республике мечетей упало с 1670 до 1594. Более чем в три раза сократилось количество примечательных *мектебов*, в 2–2,5 раза – число дагестанцев, совершающих *хадж*. В 2000 и 2001 гг. их было чуть более 5 тысяч (Макаров: 71, примеч. 5; *Религии и религиозные организации в Дагестане*: 73, 80). Те же размеры хадж из Дагестана сохраняет донныне.

Наступило насыщение рынка исламской литературой. Если в начале 1990-х годов в Дагестане был необычайный спрос на арабские издания Корана и на любые другие книги религиозной тематики, то в последние годы спрос на них резко упал. Следует отметить разочарование некоторых дагестанцев в надеждах, которые они возлагали на исламский подъем. Причину этого, вероятно, сле-

дует видеть в том, что серьезного улучшения ситуации так и не произошло. Реального возрождения высокой мусульманской культуры дореволюционного и раннего Советского Дагестана достичь не удалось. В республике один из наиболее высоких на Северном Кавказе уровень преступности, безработицы среди молодежи. Сельская экономика находится в кризисе.

Еще более существенные перемены к рубежу нового тысячелетия претерпели советские коллективные хозяйства, сохранившиеся в дагестанском селе. Сильно изменились их размеры, внутреннее устройство, экономика и формы собственности. Ко второй половине 90-х годов большинство крупных коллективных хозяйств распалось на небольшие одноаульные колхозы. Разукрупнение совхозов и колхозов идет во всех без исключения обследованных нами районах республики. Интересно отметить, что новые мелкие коллективные хозяйства часто возникают в границах дореволюционных общин-*джамаатов*. Именно так проходило разукрупнение колхозов в Цумадинском районе. Здесь еще в 1987 г. из колхоза «Красный партизан», с. Кванада, выделился колхоз им. Энгельса, с. Гимерсо; в 1992 г. из колхоза им. Коминтерна, объединявшего 4 соседних селения, вышел колхоз им. Абакарова, с. Цумада, от которого в 1995 г., в свою очередь, откололся совсем крошечный колхоз с. Хвайни в 7 хозяйств, принявший имя Р. Гамзатова. Подобным образом в 1998 г. на одноаульные коллективные хозяйства распался Рутульский совхоз в южном Дагестане (*Полевые материалы автора, собранные в Ахвахском, Ахтынском, Левашинском, Рутульском, Хасавюртовском, Хунзахском и Цумадинском районах в 1995–2003 гг.*). Судя по материалам дагестанской прессы, разукрупнение совхозов и колхозов идет как в горах, так и на равнине: в Акушинском, Гумбетовском, Кизлярском, Тарумовском и др. районах (Дагестанская правда. – 1998. – 15–17 сентября).

Разукрупнение больших коллективных хозяйств в условиях распада СССР привело к потере горными колхозами части их угодий. Еще в 1991–1993 гг. они лишились всех горных пастбищ на территории обретших независимость Грузии и Чечни. Колхозы и совхозы Магарамкентского, Докузпаринского, Ахтынского, Рутульского, Тляратинского, Цунтинского и Цумадинского районов потеряли угодья, оказавшиеся в районе проведения государствен-

ной границы между бывшими союзными республиками СССР. В последние годы некоторые мелкие колхозы добровольно отказываются от пастбищ, которые они не в силах освоить, в соседних районах Дагестана. По этой причине на территории одного только Цумадинского района освободилось 10 591 га, в том числе 3471 га пастбищ. В 1994–1996 гг. они были переданы в госземфонд четырьмя колхозами Левашинского и Ботлихского районов. После этого вновь начали разгораться прежние споры за эти угодья между соседними дагестанскими, чеченскими и грузинскими селениями (*Развернутая экспликация земель...*). После 1999 г. поземельные конфликты на межреспубликанском уровне временно затихли в связи со второй российско-чеченской войной.

К этому нужно добавить, что многие пограничные колхозы северо-западного Дагестана пострадали от затяжных боевых действий во время российско-чеченской войны 1994–1996 гг. и вторжения на территорию республики отрядов боевиков в августе–сентябре 1999 г. Обе враждующие стороны нередко угоняли скот, что заставляло колхозников держать большую часть своих стад в селениях. Весной и осенью 1995–1996 гг. и летом–осенью 1999 г. на узких улочках пограничных аулов Новолакского, Ботлихского и Цумадинского районов можно было видеть пасущихся быков и коров. Жители некоторых селений вынуждены были распродать большую часть колхозного имущества и на вырученные деньги приобрести оружие для самообороны.

Даже колхозы, не пострадавшие от войны и разукрупнения, лишились большинства своих владений. Дело в том, что еще в 1992 г. дагестанские власти разрешили отдавать имущество убыточных коллективных хозяйств в долгосрочную и бессрочную аренду. Большую часть колхозной баранты роздали в качестве заработной платы. Горцы поделили между собой почти все колхозные стада в горах (Дагестанская правда. – 1992. – 19 сентября; *Полевой материал автора, собранный в Ахтынском, Махачкалинском, Рутульском, Хасавюртовском, Хунзахском районах в 1995–1997 гг.*). В 1992–1996 гг. вновь под видом аренды мусульманская администрация горных селений захватила от 80 до 100 % колхозных и совхозных пашен, садов и сенокосов в горах, раздав их членам джамаатов из расчета по 28 соток на одно хозяйство (подсчитано по:

Земельные балансы... Ахвахского района РД; Земельные балансы... Ботлихского района РД; Земельные балансы... Цумадинского района РД). Так, в 1993 г. в аварских селениях Сильди и Саситли все колхозные угодья в горах и на равнине были разделены между семьями колхозников. Причем в некоторых селениях часть обобщественных в 30-е годы земель вернули тем потомкам прежних владельцев, которые могли показать границы своих участков. Так, в горах *de facto* возродилось мелкое частное землевладение крестьянских семей (*мульк*).

Эти меры пока не оправдали надежд руководства республики вывести сельское хозяйство горных районов из глубокого кризиса. По данным Госкомстата РД, здесь продолжается сокращение посевных площадей (на 13,6 % начиная с 1988 г.) и поголовья скота (на 5,7 % только за 1999 г.). В то же время в 1993–2001 гг. немного снизились темпы падения сельскохозяйственного производства. В частном секторе объем выпущенной в 1999 г. продукции даже возрос на 1,2 % по сравнению с 1995 г. (Новое дело. – 1999. – 28 февраля).

Согласно полевым наблюдениям автора, экономическое положение горцев Дагестана не столь печально, как его рисует официальная статистика. В обследованных хозяйствах на 20–30 % выросло поголовье частных стад. Неудобства жизни в условиях транспортного кризиса скрашивает появление в большинстве селений лошадей, исчезнувших здесь четверть века назад. Начато освоение десятков га заброшенных садов в долине р. Андийское Койсу. Уже в 1995–1996 гг. все пустоши, лежащие по ходу рейсовых автобусов Махачкала-Агвали и Махачкала-Ботлих (в урочищах *Гьесала, Гурухъ, Мархула* и др.), были заняты под сады (Бобровников 1997: 136).

Важно также отметить, что значительная часть колхозных и совхозных пастбищ в 1994–1996 гг. перешла в коллективную собственность мусульманских джамаатов. О размерах этих приобретений можно судить по следующим цифрам. В Ахвахском районе администрации джамаатов получили около 72 % всех горных пастбищ, в Ботлихском – 63,5 %, в Цумадинском – 66,8 % и в Цунтинском – 58,7 %. При этом у горных коллективных хозяйств еще остались немалые угодья на равнине (1 млн 157 тыс. га), закреп-

ленные за ними в 30–50-е годы. Согласно подсчетам автора, это около половины их прежних земель. Полностью сохранились и владения горных лесхозов (только один Цумадинский лесхоз владеет 19 846 га) (подсчитано по следующим архивным данным: *Земельные балансы... Ахвахского района РД; Земельные балансы... Ботлихского района РД; Земельные балансы... Цумадинского района РД; Земельные балансы... Цунтинского района РД*).

Однако и эти земли фактически перешли в руки горных мечетных общин, узурпировавших основные права и функции советских коллективных хозяйств. Попавшие в зависимость от них горные колхозы и совхозы постепенно сливаются с институтами джамаата. Еще в советское время на колхозные и государственные пастбища и прочие угодья фактически перешел статус неделимых общинных земель (*харим*). Обобществление муьков и передача горным колхозам бывших частновладельческих и казенных земель на равнине подготовили почву для усиления экономической базы сельских мечетных общин (подробнее см.: Бобровников 1996: 18–23). Сегодня мусульманская администрация большинства обследованных мною общин руководит не только религиозной, но и хозяйственной жизнью горцев. Джамаат следит за соблюдением единого севооборота, ремонтирует дороги, мосты и оросительные каналы на территории своего колхоза, собирает со своих членов штрафы и налог на содержание сторожей (авар. *ахран*), охраняющих колхозные угодья от потравы соседями. В 1995–1996 гг. каждая семья платила сельскому сторожу по 2 тыс. неденоминированных руб. в день (*Полевые дневники автора, Цумадинский район, 1995–1996 гг.*).

Уже в первой трети 1990-х годов администрации отдельных горных селений в обход российских законов вернули восстановленным мечетям часть приписанных к ним до коллективизации частных участков (*вакфов*). Согласно материалам, собранным автором, это случилось в Агвали, Ботлихе, Гагатли, Гигатли, Карате, Кикунь, Первомайском, Тлондоде, Хуштаде и целом ряде других аваро-андийских селений в горах и на равнине (*Полевые материалы автора, собранные в Ботлихском, Хунзахском, Цумадинском и Цунтинском районах в 1992–1997 гг.*). Только в одном колхозе «Красный партизан», с. Кванада, в вакфную собственность пере-

шло 50 га. Здесь и в других селениях были восстановлены три традиционных вида мечетных владений. Это – *чирахъ*, часть доходов от которых идет на освещение мечети; *кьурбан*, предназначенные для расходов во время празднования рамадана, и собственно вакфы (*вакъуф*), покрывающие прочие общественные и религиозные нужды джамаата. Общественность селения строго следит за тем, чтобы новые владельцы мечетных земель вносили в мечетную кассу положенную часть урожая.

Иногда при поддержке районных властей передача земель мечетям оформлялась как долгосрочная аренда. В ряде случаев она не была официально закреплена. В таких джамаатах, как Кванада и Хуштада, юридическую силу *de facto* обрели сохранившиеся в частных сельских библиотеках списки дореволюционных вакфов. Весной 1996 г. здесь заново перераспределили часть мечетных полей и сенокосов сроком на 3 года. В Хунзахском, Цумадинском и некоторых других аваро-андо-цезских районах автору довелось быть свидетелем трехкратного перераспределения вакфов между членами горских джамаатов в 90-е – начале 2000-х годов. Насколько широко распространено возвращение вакфов в крае, сказать сложно. По региону в целом и тем более по Дагестану официальной статистики учета мечетных земель пока нет (о республиканской ситуации с реституцией вакфов отчасти можно судить по появляющимся время от времени сообщениям дагестанской прессы. См., например: Голос правды. – 1992. – сентябрь, № 10; Дагестанская правда. – 1994. 3 марта; Новое дело. – 1994. – 1 апреля). Дело в том, что восстановление вакфов в Дагестане противоречит нынешнему земельному кодексу Российской Федерации.

Реституция вакфов хорошо показывает, как за последние годы укрепилась власть сельских имамов (*дибир*, *мулла*). Порой они весьма влиятельны за пределами своей общины. Например, в Цумадинском районе летом 1991 г. имамы селений Агвали и Хуштада помогли урегулировать чуть не дошедший до кровопролития спор колхозов Сильди, Саситли, Гакко и Карата из-за альпийских пастбищ. Цумадинцы единогласно выбрали дибира соборной мечети Агвали С.-Г. Пирмагомедова своим представителем на Съезд народов Дагестана, проходивший в конце 1992 г. в Махачкале. Славящиеся своей ученостью мусульманские ученые (*алимы*), получив-

шие местное образование еще в годы Советской власти, с. Хуштада сегодня избраны имамами 7 разных общин в горах и на равнине. Это – селения Агвали, Тисси, Тлибишо, Ново-Хуштада, Ново-черкейск, а также города Кизляр и Хасавюрт. Хуштадинец М.-С. Абакаров, ставший дибиром г. Хасавюрта, пользуется общедагестанской известностью.

До коллективизации джамаат был чисто светским институтом. Им управлял староста (*бегавул, юзбаши*), назначавшийся властями из представителей наиболее влиятельных сельских кланов (*тухумов*). После проведения советских преобразований и особенно заметно уже в 1980–1990-х годах колхоз-джамаат все более превращается в чисто религиозную общину. На севере и западе республики власть в нем захватили местные религиозные лидеры – *имамы* соборных мечетей и члены совета старейшин. В их руках сосредоточено управление колхозным хозяйством, суд и исполнительная власть на местах. На юге, где большинство населения осталось индифферентным к религии, вся полнота власти перешла в руки светских лидеров – глав администраций, нередко происходящих из наиболее уважаемых сильных и богатых *тухумов*. Эти же люди определяют кандидатуру сельского имама, которого избирают на общем сходе колхозников (подробнее см.: Бобровников 1996: 18–23; Бобровников 1997: 136–138). Самостоятельность горных мусульманских общин от высших светских и исламских властей Северного Кавказа по сравнению с дореволюционной и советской эпохами намного возросла. Попытки республиканских властей и лидеров Духовного управления мусульман Дагестана создать из сельских мусульманских общин централизованную организацию потерпели фиаско. Сегодня ДУМД контролирует лишь *хадж* дагестанцев.

Одни и те же люди, как правило, составляют администрацию и колхозов, и мусульманских общин. Вся полнота власти тут принадлежит сельским сходам горных селений. Главы администраций, не получившие от правительства никакой реальной власти, не более как марионетки в руках сельских дибиров. Их роль обычно сводится к исполнению решений имама и сельского схода. Большинство абсолютно безвольны. Например, глава администрации с. Кванада из-за противодействия джамаата с 1994 г. по настоящее

время не может даже собрать и отправить в армию призывников из своего селения. На сельских сходах безраздельно господствуют религиозные лидеры, получившие местное мусульманское образование и получившие у своих земляков почетное прозвище ученых-алимов (*Дагестан: этнополитический портрет* 1994: 2, 303; *Голос правды*. – 1992. – сентябрь, № 10; *Дагестанская правда*. – 1994. – 3 марта). Среди них *джамаат* выбирает своего главу – *имама* соборной мечети (*мулла, дибир*). Из-за упадка системы местного мусульманского обучения образованных дибиров повсюду в республике резко не хватает. Поэтому на эту должность нередко приглашают выходцев из других, порой весьма удаленных горных селений.

Каждую пятницу дибир в качестве шариатского судьи (*кади*) разбирает в мечети по шариату и местному адату семейные и земельные иски своих односельчан, а также судит виновных в пьянстве, драках и прочих мелких уголовных преступлениях. Тяжелых же уголовных преступлений, требующих вмешательства светских властей, в Нагорном Дагестане несмотря на общий разгул преступности встречается мало. Например, в Цумадинском районе в 1988–1996 гг. зарегистрировано лишь 1 убийство (*Архив райсуда Цумадинского района: Дело 432*). По решению сельского схода семья убийцы была изгнана далеко за пределы района. Согласно материалам архива райсуда, во всем районе с 1988 по 1996 гг. было совершено 2 убийства – в 1988 г. в Гимерсо и в 1993 г. в Гакко (*Архив райсуда Цумадинского района: Дела 112 и 337*). Когда в октябре 1995 г. автор этих строк останавливался в райцентре Агвали с населением 2176 человек, милицейская сводка отметила в селении всего 12 случаев мелкого хулиганства. Почти все они были совершены приехавшими на еженедельный субботний базар. Это объясняется тем, что в небольших горных селениях все хорошо знают друг друга. Кроме суда сельские имамы занимаются оформлением шариатских браков (*никах*) и завещаний (*васият*) для своих односельчан. В марте-апреле они открывают праздник первой борозды (например, авар. *оц бай*), которым по традиции начинают полевые работы.

Однако во многих селениях даже авторитета имама не хватает, чтобы сдерживать развитие межгрупповых конфликтов. Соседние селения постоянно ссорятся из-за права владения пастбищными

горами и водными источниками. Подобные, хотя и менее серьезные, столкновения из-за пользования землей и водой (а зимой и снегом) время от времени случаются в больших райцентрах типа Кумуха, Леваша, Хунзаха, Ботлиха или Агвали. Здесь джамаат распадается на соперничающие друг с другом *фракции* разных кварталов, образованных переселенцами из разных селений. Обычно их возглавляют дибирь кварталных мечетей. Некоторые из этих фракций принадлежат к разным колхозам.

Сверх того, некоторые джамааты раздирает ожесточенная борьба фракций, образованных внутриконфессиональными группами местных мусульман: сторонниками *шейхов* отделений (*вирд*) суфийских братств Шазилия, Накшбандийа и Кадирийа, открыто возобновивших свою деятельность на волне исламского подъема 90-х годов, и реформаторами-«*ваххабитами*». Последние выступают за очищение ислама от недозволенных новшеств (*бида*'), укоренившихся, по их мнению, в сознании и религиозной практике кавказских мусульман. Главный объект их критики – современные дагестанские *суфьи*. Движение зародилось в Северном Дагестане еще в 70-е годы XX в. К середине 80-х оно было подавлено Советской властью при поддержке органов КГБ, но уже в конце 80-х годов вновь возродилось. Оно окончательно организационно и идейно оформилось к середине 90-х годов. Общины ваххабитов появились в селениях Кванада, Сантлада, Глондода и Тинди Цумадинского района, Акуша Акушинского района, переселенческих аулах Первомайское, Ново-Саситли Хасавюртовского района Дагестана.

Организация сельских общин ваххабитов предельно проста и однородна. Они группируются вокруг мечетей или молельных домов, восстановленных в постсоветское время. Во главе каждой из них стоит выборный *имам* (*амир*), руководящий религиозной и общественной жизнью ее членов. Как и другим кавказским мусульманам, ваххабитам не хватает профессиональных *имамов*. Наиболее грамотные из *амиров* возглавляют примечательные *медресе*. Крупнейшая из них школа ал-Хикма (араб. «Мудрость»), в которой обучалось около 700 студентов-*мутааллимов*, действовала в Кизилюрте в 1989–1997 гг. под руководством Багаутдина Магомедова (1946 г. р.) (Макаров: 41). *Амир* может совмещать не только обязанности преподавателя *медресе* (*мударрис*), но и председателя

(*ра'ис*) шариатского суда (*махкама шар'ийа*). Такие суды существуют практически во всех общинах ваххабитов. Как правило, они выполняют нотариальные функции, а также разбирают мелкие гражданско-семейные и уголовные дела.

К середине 90-х гг. в движении выделилось несколько течений. Наиболее умеренное его крыло возглавил Ахмад-кади Ахтаев (1942–1998) из аварского селения Кудали. Он продолжал поддерживать связи с некоторыми суфийскими *шейхами* и признавал власть современных светских властей Дагестана. «Центр» движения представлен Багаутдином Магомедовым родом из хваршинского селения Сантлада, наиболее активным и влиятельным идеологом ваххабитов. Он повел решительную борьбу со сторонниками суфийских *шейхов* в Дагестане. К ним он относил и ставшее на сторону ДУМД постсоветское правительство Дагестана, которое, по его словам, находится в состоянии «многобожия» (*ширк*). Основными методами борьбы наряду с созданием сети *медресе* он признавал и политические методы – от создания партий и парламентских блоков до организации массовых митингов и других акций неповиновения духовным и светским властям. Наиболее радикальную позицию заняла переселенческая община, сформировавшаяся в Астрахани вокруг *амира* Айуба Ангутаева из Кванады, ученика Б. Магомедова. По его мнению, регион должен скоро превратиться в «территорию войны» (араб. *дар ал-харб*) за освобождение Кавказа от власти неверных (подробнее см.: Бобровников, Ярлыкапов: 19–23).

Для последователей всех течений ваххабитов характерен прозелитизм. Новообращенные обычно крайне фанатичны. С другой стороны, контролируемые с 1992 г. Духовное управление мусульман Дагестана аварцы – последователи *шейха* Саида-афанди (Ацаева) Чиркеевского – не настроены на компромисс. В 1993–1997 гг. в республике прошли диспуты между *амирами* ваххабитов и сторонниками суфийских *шайхов*. Активное участие в них принимал *амир* Багаутдин. Общего языка найти не удалось. Обе стороны настроены крайне агрессивно: открыто поносили своих врагов во время пятничной проповеди (*хутба*), гнушались разговаривать и есть вместе с ними, хоронить умерших из противной фракции. Ваххабиты срывали шесты с флажками со святых мест. В ряде се-

лений и городов Дагестана произошли вооруженные столкновения между разными фракциями мусульман. Наиболее кровопролитные из них случились в августе и декабре 1995 г. в с. Верхнее Миатли и Чиркей; в марте 1996 г. – в Кванаде; в июле 1996 и затем вновь в мае 1997 г. – в Карамахи, Чабанмахи и Кадаре (Бобровников 1997: 138; Макаров, 34–35, 42–43). В мае 1998 г. жители трех последних селений захватили карамахинское отделение милиции, изгнали со своей территории представителей республиканских властей и объявили себя «отдельной исламской территорией», управляющейся по законам *шариата*.

К 1999 г. инициативу в конфликте перехватило Духовное управление мусульман Дагестана. Под лозунгом «борьбы с ваххабизмом» ему удалось сплотить большинство мусульманских общин Северного Кавказа. Деятельность ваххабитов осудили прошедшие в ноябре 1997 г. Съезд *имамов* и *алимов* Дагестана в Махачкале и Конференция исламского духовенства в соборной мечети Каспийска, Конгресс мусульман Северного Кавказа, состоявшийся в мае 1999 г. в г. Грозном. Центр ваххабитов в последнее время сместился в соседнюю Чечню. При этом в нем усилилось радикальное крыло, появились военизированные группы. После смерти в марте 1998 г. Ахмад-кади Ахтаева Б. Магомедов, спасаясь от преследований, в декабре 1997 г. с группой из 18 последователей укрылся на территории Урус-Мартана в Чеченской Республике. Летом 1999 г. созданное им движение «Джамаат» начало военные действия в Цумадинском, Ботлихском и Новолакском районах Дагестана, но уже в сентябре было выбито оттуда федеральными войсками. Мятежные селения Карамахи, Чабанмахи и Кадар были взяты штурмом. Движение ваххабитов ушло в подполье (Бобровников, Ярлыкапов: 23). Его идеолог и лидер *амир* Багаутдин, по некоторым сведениям, покинул территорию Российской Федерации. Но в целом ряде дагестанских селений в северных районах республики сохраняется взрывоопасная обстановка.

Положение осложняется до поры до времени латентными поземельными конфликтами на равнине и в предгорьях республики, уходящими корнями в советскую и досоветскую эпоху. Широкое распространение на севере Дагестана получила сложившаяся еще в дореволюционное время традиция аренды территорий равнинных

районов горцами. Советская политика трудоустройства избыточно-го населения горной зоны на плоскости способствовала развитию отходничества безработной горской молодежи в колхозы и совхозы равнины. Следствием массовых депортаций и переселений, а также миграций советской эпохи стала несомненная взрывоопасность, конфликтность поземельных отношений в Дагестане, особенно на юге и на севере республики (*Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе* 49: 18–20; Поляков, Бушков: 14–16). На плоскости у кумыков и терских казаков сложился комплекс национальной обиды на горцев-переселенцев, обосновавшихся на их исторических территориях. Подобные настроения подспудно вызрели у депортированных чеченцев-аккинцев, а по отношению к азербайджанцам – у лезгин и других южнодагестанских народов.

До начала 90-х годов Советская власть в Дагестане сдерживала развитие межэтнических противоречий. Распад Советского Союза осенью 1991 года вызвал неожиданный для многих, но давно назревавший в республике всплеск поземельных и межэтнических споров. Столкновения нередко возникают на почве раздела под частное жилищное строительство колхозных и совхозных земель в селениях, где потомки горцев-переселенцев живут бок о бок с местным кумыками, русскими или ногайцами. Каждая сторона считает эти уголья историческими территориями своей общины (*джамаата*). Так, в частности, развивался конфликт 1992 г. в кумыкском селе Костек (Тенглик. – 1992. – 11 сентября). Подобные споры отмечены в ногайском поселке Главный Сулак, в целом ряде лакских и аварских селений Новолакского района, где идет стихийный захват земель лакских и аварских колхозов чеченским оргкомитетом по восстановлению Ауховского района (*Дагестан: этнополитический портрет*. 1994: 2: 293–294; 3: 157–159, 285–288). В Южном Дагестане под влиянием проведения государственной границы и притока в республику беженцев из Северного Азербайджана обострились отношения между азербайджанцами и лезгинами. Усилиями властей республики развитие этих конфликтов удалось временно сдержать. Но ни один из поземельных споров так и не удалось разрешить до конца.

* * *

Так тяжело и противоречиво меняется на наших глазах жизнь постсоветского колхозного села Дагестана. Идет постепенное сращивание институтов бывших советских коллективных хозяйств и открыто возобновивших свою деятельность мечетных мусульманских общин. Парадоксальным образом советские антимусульманские реформы в какой-то степени подготовили постсоветский исламский подъем. Его экономической базой стали гигантски разросшиеся колхозные угодья, использующиеся по принципам неделимых земель сельских мечетных общин (*харим*). Уже в постсоветское время произошло перераспределение собственности и власти на селе. Это привело к формированию новой и относительно независимой от республиканских властей сельской религиозной элиты, в Северном и Центральном Дагестане захватившей в свои руки управление колхозным селом. Внутри этой элиты нет единства. Она нередко распадается на локальные противоборствующие фракции, как это показывает недавняя история ваххабитского движения. Как небольшой осколок советской системы, колхозы и совхозы вошли в фундамент складывающегося на ее обломках исламизированного общества горцев. Каким будет это общество в XXI в., сказать трудно. Формирование его только начинается. Но уже сейчас, на мой взгляд, можно предположить, что будущее дагестанского села будет определяться сложным переплетением мусульманских и колхозных институтов. К такому выводу подводит изучение изложенных на этих страницах полевых и архивных материалов.

В заключение этого очерка следует подчеркнуть важное методологическое значение затронутой в нем проблемы. Изучение исламизации колхозов постсоветского Дагестана позволяет уточнить наше понимание **традиций** дагестанского горского общества в эпоху глобальных **реформ** и социальных потрясений современности. До сих пор в отечественном кавказоведении они оценивались как патриархальные и полуфеодальные «пережитки». С советских времен в традиционной культуре горцев принято видеть нечто застывшее и музейное, отмирающее после завершения коллективизации. Материалы, проанализированные в данной работе, позволяют не согласиться с этой точкой зрения. На взгляд автора, происходящая сегодня на наших глазах исламская трансформация горного

дагестанского колхоза помогает понять истинную природу местного общества. Его общинные традиции существуют в непрерывном изменении. На основе традиционных институтов дореволюционных сельских общин в 30–50-е годы сложились советские коллективные хозяйства. В свою очередь, колхозы и совхозы в 80–90-е годы послужили базой для формирования современных мусульманских *джамаатов*. При этом вплоть до сегодняшнего дня дагестанскому селу, несмотря на частую смену форм своего существования, удавалось сохранить основные принципы своей своеобразной культуры и социальной организации.

Источники и литература

Архив райсуда Цумадинского района, с. Агвали.

Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. V. М., 1928.

Земельные балансы на 1 ноября 1990 и на 1 января 1999 Ахвахского района РД. *Архив райкомзема Ахвахского района РД, с. Карата.*

Земельные балансы на 1 ноября 1990 и на 1 января 1999 Ботлихского района РД. *Архив райкомзема Ботлихского района РД, с. Ботлих.*

Земельные балансы на 1 ноября 1990 и на 1 января 1999 Цумадинского района РД. *Архив райкомзема Цумадинского района РД, с. Агвали.*

Земельные балансы на 1 ноября 1990 и на 1 января 1997 Цунтинского района РД. *Архив райкомзема Цунтинского района РД, с. Кидеро.*

Полевые дневники и материалы автора, собранные в разных сельских районах Республики Дагестан в 1992–2003 гг. *Личный архив автора, г. Москва.*

Развернутая экспликация земель колхозов других районов на территории Цумадинского района РД по состоянию на 1 ноября 1989; по состоянию на 1 января 1997. *Архив райкомзема Цумадинского района РД, с. Агвали.*

Дагестан: этнополитический портрет. Очерки. Документы. Хроника / сост. и отв. ред. В. Ф. Грызлов. Т. 1–4. М., 1993–1994.

Голос правды: газ. Махачкала.

Дагестанская правда: газ. Махачкала.

Новое дело: газ. Махачкала.

Тенглик (на рус. и кум. яз.): газ. Махачкала.

ХIакъикъят («Правда», на авар. яз.): газ. Махачкала.

Бабич, И. Л. 2001. Ислам в современной Кабардино-Балкарии: правовые аспекты. *Этнографическое обозрение* 2.

Бобровников, В. О.

1996. Колхоз как хранитель исламского уклада. *Ваш выбор* 3.

1997. Ислам и советское наследие в колхозах Северо-Западного Дагестана. *Этнографическое обозрение* 5.

1999. Махкама шар'ийа. *Ислам на территории бывшей Российской империи* / сост. и отв. ред. С. М. Прозоров. Вып. 2. М.

Бобровников, В. О., Ярлыкапов, А. А. 1999. «Ваххабиты» Северного Кавказа. *Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь* / сост. и отв. ред. С. М. Прозоров. Вып. 2. М.

Емельянова, Н. М. 1999. *Мусульмане Кабарды*. М.

История советского крестьянства Дагестана (1917–1980 гг.) / под ред. А. И. Османова. Т. 1–2. Махачкала, 1986.

Кисриев, Э. Ф.

1994. Этнополитическая ситуация в Республике Дагестан. *Исследования по прикладной и неотложной этнологии* 72. М.

2005. Дагестан. *Этническая ситуация и конфликты в странах СНГ и Балтии*: Ежегодный доклад сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / под ред. В. А. Тишкова, Е. Филипповой. М.

Курбанов, М. Р., Курбанов, Г. М. 1996. *Религия в культуре народов Дагестана*. Махачкала.

Макаров, Д. В. 2000. *Официальный и неофициальный ислам в Дагестане*. М.

Малашенко, А. В.

1998. *Исламское возрождение в современной России*. М.

1999. Ислам и политика в государствах Центральной Азии. *Центральная Азия и Кавказ* 4.

Поляков, С. П., Бушков, В. И. 1997. Социально-экономическая ситуация в Северокавказском регионе. *Исследования по прикладной и неотложной этнологии* 108. М.

Религии и религиозные организации в Дагестане: Справочник / сост. К. М. Ханбабаев. Махачкала, 2001.

Чурсин, Г. Ф. 1995. *Авары*. Махачкала.

Шиллинг, Е. М. 1993. *Малые народы Дагестана*. М.

Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе. *Исследования по прикладной и неотложной этнологии* 49. М., 1993.